

ОБРАЗ НАУКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Н.П. Лукина

Статья посвящена проблемам формирования противоречивой познавательной картины в условиях развития информационного общества и адекватного образа науки. Автор отмечает, что попытка выявить познавательную специфику информационного общества с опорой на концепт образа науки подтверждает суть методологической процедуры концептуализации как непрерывного процесса уточнения понимания исследуемого предмета.

IMAGE OF THE SCIENCE OF THE INFORMATION SOCIETY: EXPERIENCE OF THE PHILOSOPHICAL REFLECTION

Lukina N.P.

Article is devoted to problems of formation of an inconsistent cognitive picture in conditions of development of an information society and an adequate image of a science. The author marks, that attempt to reveal cognitive specificity of an information society with a support on concept an image of a science confirms essence of methodological procedure conceptualisation as continuous process of specification of understanding of a researched subject.

Признание ведущей роли науки, знания, информации в становлении современного общества и формирование новой познавательной ситуации получают легитимность при условии контроля над этими процессами, который, в свою очередь, определяется тем, насколько полно они изучены.

Уделом философии, с момента ее возникновения было исследование феноменов знания и познания, а позднее – науки.

В основных смысловых контекстах, отражающих целостное бытие науки, ее принято понимать как:

- особый тип человеческой деятельности;
- социальный институт, репрезентированный научным сообществом;
- эпистемический продукт (совокупность знаний).

Интегральная характеристика современной науки задается через понятия «познавательной модели», «когнитивного образца», «образа

науки». Образы науки резонируют с образом реальности, картиной мира, для их построения используются различные интеллектуальные ресурсы.

Предлагаемая статья содержит попытку выявления познавательной специфики информационного общества с опорой на концепт образа науки. Философская рефлексия этой проблемы требует должного внимания, поиска новых подходов, новых концептуализаций. В методологическом плане для нас будет важным понятие концепта в трактовке Ж.Делеза и Ф.Гваттари, изложенной ими в работе «Что такое философия?», где концепт представляется своего рода структурой, живущей по своим правилам и сосуществующей рядом с другими концептами. Задача же философии есть «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» (4, с.10).

Экспликация образа науки применительно к информационному обществу предполагает в первую очередь учет и содержательный анализ коренных преобразований в современной философии и методологии науки, в которых меняется взгляд на соотношение науки и социума. Исследовательский интерес смещается от собственно логико-методологического анализа науки к ее социальным и культурным основаниям. По-новому формулируется сама проблема оснований науки, которые, по мнению В.С.Степина, «выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктуры, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи» (15, с.11). Следовательно, анализу подлежат не только внутренние для философии науки проблемы, но и мировоззренческие вопросы, связанные с переосмыслением динамики и трансформаций современной науки. Это предполагает рефлексии по поводу того, как меняется роль науки в жизни общества, как выстраиваются ее отношения с экономикой, культурой, идеологией, властью и другими социальными сферами.

Философия науки, считает В.Н.Порус, есть собственно философия и «ее главным предметом и конечной целью является не наука, а человек, осуществляющий познавательную деятельность в форме науки. Именно в этом аспекте философию науки интересуют и методы, и язык науки, и научные институты, и нравственность и социальная роль ученых, и отношения людей в научных коллективах... знание о чем она черпает из междисциплинарных (научных и метанаучных) исследований» (12, с.67).

Новые воззрения на науку вызревают в рамках философии науки как многофункционального знания, возникающего на перекрестке про-

блемных полей социологии и истории науки, эпистемологии, теории познания, социальной философии, когнитологии и имеют ярко выраженный синтетический и подчеркнуто дополнительный характер. Построение синтезирующих концепций, возвышающихся над аналитическими частностями, выходит на передний край современной философии науки. Становление нового формата этого региона знания оформляется в комплексную междисциплинарную программу, ассимилирующую различные сферы философского, метанаучного и социального исследования с опорой на широкий социокультурный контекст рассмотрения оснований, генезиса, параметров научного знания и выяснения роли и перспектив науки в обществе.

Таким образом, сегодняшние представления о науке формируются не на интеллектуальной периферии, а на магистральных направлениях общефилософского рассмотрения мира и его познания. Осознается необходимость новых интерпретаций всей познавательной деятельности человека в рамках нового предметного поля, получившего название философии познания, которая сохраняет свою абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу, «получая вместе с этим экзистенциально-антропологическое, историко-метафизическое и эволюционно-эпистемологическое осмысление» (10, с.76). В результате получают обоснование не разрозненные идеалы и нормы науки, а целостная система ценностно-мировоззренческого знания, которое интегрирует науку в контекст культуры и социума. В обозначенных тенденциях следует усматривать зарождение новых привлекательных подходов к исследованию науки, таких как диалог, коммуникация, дополнительность, синтез.

Философская концепция образа связывает целостное представление об этом понятии с феноменом восприятия. Концепт образа науки, актуализированный в современных философских исследованиях, фиксирует возможность субъективно различного восприятия науки на основе определенных методологических предпочтений. Исследование науки как особого типа человеческой практики, связанной с профессиональной деятельностью ученого или научного сообщества в познавательном контексте создает целый спектр образов науки: исторических, философских, методологических, социологических. Сквозь спектр образов науки отчетливо вырисовывается социокультурный образ как некий инвариант представленного многообразия (см.: 2, 9). Здесь образ науки рассматривается как сложное культурно-идеологическое образование, особый теоретический конструкт с выраженной нормативной интенцией, вбирающей в себя взгляды на природу познания, способы произ-

водства знания, его культуuroобразующие функции и социогенный статус.

Образ науки может конституироваться в виде философской модели, с присущими ей мировоззренческими установками, онтологическими допущениями, аксиологическими основаниями. Так, образ классической науки фундирован западноевропейской философией (Р.Декарт, Г. Гегель), где он совпадает с понятием научной рациональности, мирового разума, а также с готовым знанием как результатом применения безупречного исследовательского метода. Этот образ длительное время разделяли ученые, формулируя критерии подлинной научности, например, в плоскости поиска универсального языка науки (Г.Галилей). Интерпретация научной рациональности как атрибутивного свойства науки на длительный период становится основным мотивом методологических изысканий, в которых наука есть правильно полученное, развивающееся знание. Методология внедряла и закрепляла подобный образ науки, как в сознании отдельного ученого, так и общественном сознании.

В онтологических рамках понимания науки как знания продуцируются научные ценности, ориентированные на истину, рациональность, объективность, метод. Включение аксиологического компонента в процесс конституирования образов науки обусловлено тем, что ценности относятся к числу таких интенциональных познавательных средств, которые явно или латентно содержатся в любой онтологии, определяются ею. Ценности изначально присутствуют в любом виде знания как институциональные регулятивы познавательной деятельности. Аксиология, следовательно, формирует не только образ науки, но и научный этос. Создается идеальный образ науки, имеющий онтологический, гносеологический и аксиологический смысл, манифестирующий себя в институциональных формах научной деятельности. Эталон научности, задаваемый этим образом, носит демаркационный характер, отграничивающий науку от других видов человеческой деятельности.

Расширенное толкование научной рациональности в XX веке было предложено методологами исторической школы (Т.Кун, И.Лакатос, П.Фейерабенд). Они подвергли сомнению демаркацию между наукой и ненаукой, что привело к пересмотру природы научного исследования в целом. Возник образ науки, объединяющий ее объективные компоненты (парадигмы) и широкий социальный контекст существования (научные сообщества, наука как социальный институт).

Понимание науки как социального института позволяет выделить внутренние и внешние ценности. Первые – регулируют познавательную деятельность, образуя познавательно-нормативный каркас (мето-

дологический, логический, этический), который влияет на осознанное применение таких ценностей как проверяемость, intersубъективность, запрет на плагиат и др. Внешние ценности науки регистрируют факт ее соотношения со всеми сферами социальной и культурной жизни: религией, идеологией, политикой. В данном случае образ науки оказывается нагруженным всем спектром умонастроений и ожиданий, которые формулирует общество по отношению к науке и ученым.

В настоящее время западная цивилизация начала приобретать все более отчетливый информационно-технологический характер. Познавательная ситуация в науке последних лет отличается избыточным предметным, информационно-когнитивным разнообразием и растущей потребностью в знаниях. Прорыв в информационных технологиях повлек за собой изменение методов познания и общения. Новые информационные и телекоммуникационные технологии существенно обновили исследовательский арсенал, направленный на изучение природы, культуры, общества. Существенно изменились представления о способах приобретения, хранения, преобразования и воспроизведения информации, обнаружилась взаимозависимость вербальных, визуальных, аудиальных, кинестетических способов кодирования и репрезентации знаний.

Становление информационного общества происходит в рамках техногенной цивилизации с соответствующими ей аксиологическими императивами. В числе наукоцентрированных ценностей техногенной цивилизации в современной литературе называют:

- связь преобразовательной деятельности человека с наукой и научной рациональностью;
- доминирование научно-технического взгляда на мир природы и общества;
- установку на инновации и утилизацию научного знания (см.: 8, 15).

Прагматичный подход к знанию в современных, технологически развитых регионах мира сложился в результате формирования массовой установки на утилизацию науки со стороны государства и крупных национальных и транснациональных компаний. «При активном инвестировании государства создавалась технологическая ориентация науки, труд и технологии стали объектом изучения, корпоративный бизнес проявлял все большую заинтересованность в прикладных профессиях, в методах эффективности используемого труда и технологий» (8, с.33-34).

В литературе обсуждается вопрос об особенностях познавательной инфраструктуры современного общества, переживающего культурный

излом, а потому «странного общества» (см.: 5). Так, например, отмечаются тенденции, названные когнитивной инфляцией сферы производства знаний, табуированием когнитивного разнообразия, технологической изоляцией экономики знаний. Первая тенденция проявляется в социокультурной и экономической области функционирования современной науки, где выстраивается когнитивная иерархия с высоким статусом владельцев интеллектуального капитала, одновременно доминирующих в экономической и политической сферах, а нижний уровень принадлежит собственно ученым, «новому пролетариату», производящему знания. Захват когнитивного статуса непрофессионалами деформирует ценностную сферу и культурные механизмы производства знания.

Тенденция табуирования когнитивного разнообразия опасна тем, что ведет к упадку качества профессионального и социального функционирования индивида, которое требует культура знания, ориентированная на ценности творчества, а не на воспроизведение стандартизированного познавательного поведения, одобренного и закрепленного всеми ступенями официального образования. Что касается технологической изоляции экономики знаний, то это тенденция консервации знания и элиминирования инноваций, проявляющая себе в архивировании бумажных отчетов о новых знаниевых продуктах или воплощении их только в опытных образцах.

Образ современной науки окрашивается в консьюмеристские тона, когда знания рассматриваются как природный ресурс, подобный воздуху или воде. Маркетизация познавательной деятельности угрожает статусу знания в классическом понимании, способствует размыванию его ценностных границ, связанных с понятием академической свободы, политической экономией досуга, исследованием сущности вещей вне прикладного контекста, возможностью тратить интеллектуальные ресурсы по своему усмотрению. А.Л.Никифоров не без оснований утверждает: «В XX в. прагматическая полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения: не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность – вот чем направляются ныне исследования в области естествознания». Этим процессам в не меньшей степени подвержены общественные и гуманитарные науки (11, с. 60).

Понятие науки как производства знаний ради получения других знаний утрачивает свой метафорический характер, поскольку знание производится как вещь среди других вещей, оно становится товаром, в свои права вступает экономика науки. Превращение науки в производительную силу общества ослабляет, если не сводит на нет этическую

размерность науки. Установка на утилизацию науки оказывается доведенной до предела при переходе от информационного общества к обществам знания, в процессе которого появляются следующие качественные тенденции:

- технологическое применение фундаментальных наук;
- перенос индустриального развития в незападные страны;
- использование Интернета в экономике;
- превращение всемирной паутины в новую социальную реальность;
- соединение специализированного знания с неявным, автохтонным, традиционным знанием.

С концепциями общества знания солидаризируются постмодернистские трактовки нового социального порядка, связанного с экспансией информационных технологий, менеджмента знаний, посреднической деятельностью экспертизы. Лидирующей признается концепция знания как общественного блага, которая основана на понятиях интеллектуального капитала, интеллектуальных прав собственности, представления знания как экономического товара, заказной науки. Перечисленные тенденции подрывают идеал автономного знания, согласно которому, ученые сами решают, когда и в каком виде знания могут потребляться как технология или идеология.

Постмодернистский образ науки складывается из следующих составляющих:

- Научное знание квалифицируется как особый вид информации, упорядоченной и общественно значимой;
- Четкая демаркация научного и ненаучного знания отсутствует, поскольку научный дискурс в чистом виде не представлен;
- Ориентация науки на междисциплинарные синтезы с целью целостного видения объекта исследования;
- Отказ от представления о безусловной ценности научного знания;
- Получение научного знания и его изменения связаны с семиотическими процедурами означивания и смыслообразования;
- Парадоксальность развития науки, проявляющаяся в отказе от кумулятивистского и причинно-следственного характера получения научного знания;
- Нарративный характер научного знания.

В качестве одной из характеристик постмодернистского образа науки в литературе отмечаются также новые способы визуализации научного знания в ходе компьютеризации общества. Знания кодируют-

ся в компьютерных базах данных, всевозможных алгоритмических и наглядных формах, в технологических терминах «ноу-хау» (17, с.108).

Зафиксированные изменения требуют пересмотра философских оснований образа науки информационного общества. Как проблему это квалифицируют известные современные философы. Так, британский теоретик Э.Гидденс видит проблему в том, что современное знание не дает уверенности, что ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних оснований теории познания. По его мнению, мы живем в новой социальной реальности, когда эпоха рациональности уже прошла и это делает перспективы общественного развития крайне туманными, неподдающимися контролю и прогнозированию в глобальном масштабе.

Ю.Хабермас в работе «Познание и интерес» говорит о необходимости вспомнить, что знание формируется во имя социально значимых, общих интересов, лежащих в основании способов постижения реальности. Эти интересы конституируют и направляют как знания, так и процесс познания. К таким интересам он относит, во-первых, когнитивный интерес в получении информации, которая расширяет власть нашего технического контроля. Во-вторых, фиксируется практический интерес, реализуемый в интерпретациях, которые дают возможность ориентироваться в реальности, оставаясь в рамках общих традиций. И, наконец, в-третьих, эмансипационный интерес, который освобождает сознание от давления объективных сил и искаженной коммуникации. Ю.Хабермас обращает наше внимание на то, что соблюдение этих интересов традиционно возлагалось на эпистемологию как раздел философии, занятой изучением и критикой знания. На протяжении последних двух веков, констатирует Ю.Хабермас, эпистемология как критика знания ставится под вопрос. Эпистемология ограничивается интересом к методологии и игнорирует значимость познающего субъекта, рефлексирующего по поводу своей деятельности (см.: 18).

Нельзя не согласиться и с О.Тоффлером в том, что информационные технологии возникли как средства обеспечения максимального качества, доступности, оптимальности, полноты информации. Однако постоянно увеличивающийся объем информации, предоставляемой человеку компьютерными технологиями, входит в противоречие и с уровнем образованности огромной части населения планеты, и с социальными возможностями контроля и экспертизы над использованием информации в асоциальных целях, и с психологическими возможностями и масштабами социальной адаптации, переработки и использования этой информации отдельной личностью. В противоречие входят также большие объемы информации, транслируемые с помощью электронных

технологий и заметное снижение рефлексивности, критической избирательности, необходимых для присутствия в информационном пространстве.

Таким образом, в научном сообществе сформулирован заказ в отношении пересмотра образа науки, адекватного реальности информационного общества, который должен исходить от философии, преимущественно, от ее теоретико-познавательного корпуса. Подобный пересмотр наметился в области компьютерной и социальной эпистемологии, когнитологии, продолжения социально-философских исследований информационного общества и обществ знания.

Направление «компьютерной эпистемологии» исследует А.И.Ракитов. «Компьютерная революция, - полагает он, - двояким образом детерминирует создание новых методов и новой проблематики в сфере эпистемологических исследований. Она, во-первых, заставляет по-новому взглянуть на вопрос о возможности рассмотрения знаний как вполне объективной сложной полиструктурной системы, подающей четкому научному и в пределе математическому представлению, и, во-вторых, заставляет задуматься над тем, каким образом описанные и выявленные структуры знания могут быть...представлены и реализованы техническими устройствами» (13, с.80). Традиционный для классической теории познания вопрос о соотношении эмпирических и теоретических знаний, в компьютерной эпистемологии преобразован в вопрос о соотношении фактических знаний и правил оперирования с ними. В этом аспекте актуализируется исследование познавательной природы этих правил (баз знаний) и их эпистемологического статуса. Новые тенденции в эпистемологии формулируются как две группы задач:

- исследовать познавательную функцию правил как особой эпистемической категории,
- исследовать и выявить механизм рационализации и регулятивной трансформации интеллектуального творчества (13, с.78).

Перед компьютерной эпистемологией, таким образом, стоят не абстрактные, а вполне практические задачи анализа воспроизведения систем творческой деятельности в условиях компьютерного моделирования знания, что позволит активизировать познавательный потенциал человека, преодолеть естественную ограниченность интеллектуальных ресурсов.

К направлению компьютерной эпистемологии может быть отнесено исследование автоформализации профессиональных знаний, предпринятое Г.Р.Громовым (см.: 3). Понятие технологической цивилизации тесно связано с накопленными и актуализированными профессиональными знаниями. Отчужденные от индивидуального творца, эти знания

объединены сегодня понятием «индустрии знания», что подчеркивает их формализованный и безличностный характер. Математизация, а затем компьютеризация науки оказалась решающим фактором в процессе отчуждения знания от их первичного носителя – ученого. Машиноподобное бытие знания приводит не просто к стандартизации разнообразных знаний и процессов мысли, но и к утрате ряда из них, к снижению индивидуального начала, затруднениям в передаче определенных форм мышления, например, философских и гуманитарных. Г.Р.Громов предполагает, что «...с появлением компьютеров – впервые в человеческой истории оказался возможным такой способ записи и долговременного хранения, ранее формализованных математическими методами профессиональных знаний, при котором эти знания могли непосредственно, без промежуточного воздействия на человека, влиять на режим работы производственного оборудования» (3, с.173). Однако, вся область профессиональной человеческой деятельности, которая принципиально поддается пока формализации, а значит, и автоматизации на базе компьютеров, – это тонкая поверхностная пленка формализованных знаний, лишь слегка прикрывающая поверхность океана накопленного человечеством неформального знания. Процесс информатизации общества ознаменовался тенденцией широкой демократизации научного творчества. Изучение характера взаимодействия интуитивной и логической компонент в творческом процессе оказалось актуальной проблемой, определяющей методологические основы массовой компьютеризации. Персональные компьютеры и персональные вычисления предоставили в массовом порядке возможность работать без посредников со средством автоматизированной обработки информации. В этой ситуации появляется возможность автоформализации профессиональных знаний при помощи персональных компьютеров. Прежнее понятие формализации наполняется теперь новым содержанием, выходящим за рамки дедуктивной логики. Автоформализация профессиональных знаний предлагается в качестве альтернативного подхода представления знаний. Дуализм творческого процесса предстает как синтез интуиции и формальной логики. «Феномен ПК позволил ...не только исполнять на компьютере формально поставленные задачи, но и помогать человеку в совершении «интимного» акта вычленения формализуемой компоненты из его индивидуальных профессиональных знаний. Необходимые для повышения эффективности такого процесса научные методы и технические средства образуют в совокупности технологию автоформализации профессиональных знаний» (3, с.197-198).

Как вариант системной теории знания британским исследователем С.Фуллером названа социальная эпистемология, которая занята норма-

тивными вопросами организации процесса познания при переходе от информационного общества к обществу знания. Социальная эпистемология выходит за пределы остальных теорий знания, постулируя идею о том, что знание продуцировано не только индивидуальными субъектами, но и коллективами, вовлеченными в специфические отношения. Социальная эпистемология имеет дело с экономическими, политическими, идеологическими проекциями научного знания (см.: 16).

Например, с образом науки информационного общества тесно связано представление о медиатизации научных знаний. Это не означает только популяризацию в широких массах достижений науки, но и ясное понимание целей и средств подобной коммуникации. Знания распространяются средствами массовой информации, в Интернете часто в искаженном и упрощенном виде. В специально проведенных исследованиях отмечается насколько разное воздействие может оказывать знание одного и того же содержания на определенные категории людей в зависимости от способа передачи знания бумажными или электронными СМИ.

Отождествление понятий информации и знания ведет к неверной трактовке базовых ценностей информационного общества. Противоречивость, анонимность информации, циркулирующей по коммуникационным каналам, дезориентирует личность и общество в целом. Уплотнение информационных потоков ведет к невозможности воспринять и усвоить информацию, лишает ее актуальности и ценности. Таким образом, доступность информации не позволяет сделать вывод о более широком распространении знания.

В обществах знания, где информация и знания имеют стратегическое значение, расцвет свободы выражения мнений способен стимулировать распространение деонтологических (профессионально-этических) норм и принципов, которые станут также и залогом качества распространяемой информации. Внимание к свободе выражения мнений включает в себя уважение свободы, необходимой для научных исследований и творческой деятельности.

Уточнение вопроса о формировании образа науки информационного общества необходимо в направлении разграничения таких понятий как знание, данные и информация. Разграничение необходимо в силу того, что знание – и, следовательно, наука – превращаются в исходную информацию для экономической деятельности, а новые технологии изменяют способы коммуникации, в том числе и научной. Эта проблематика актуализируется в процессе компьютеризации науки, и ее рассмотрение лежит в области когнитологии, где знание и информация являются главным предметом исследования. В настоящее время скла-

дывается комплекс когнитивных наук, объединяемых по их интересу к проблемам организации, представления, обработки и использования знаний. Когнитологию отличает междисциплинарный подход к представлению знания с точки зрения его содержания, интерпретативной деятельности субъекта познания, социокультурной обусловленности его поведения. Когнитология объединяет единой проблематикой и сходными методологическими принципами целый ряд дисциплин: эпистемологию и методологию науки, антропологию, лингвистику, психологию, теорию искусственного интеллекта, теорию информации, нейрофизиологию. Ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов приобретения, преобразования, представления, хранения и воспроизведения информации. Познание в рамках когнитивного подхода определяется, как способность человека приобретать и перерабатывать информацию, получаемую из окружающей среды с опорой на внутренние познавательные ресурсы (внимание, воображение, память, мышление, восприятие) и с целью адаптации к реальности.

С позиций когнитологии, полагает Л.А.Микешина, соотношение знания и информации можно выразить формулой: информация – это знание минус человек; информация – знаковая оболочка знания. Знание есть личное достояние знающих, перенимающих его друг у друга, как образцы действия в процессах познания. Этого нельзя сказать об информации, которая в противоположность знанию не является достоянием конкретной личности, она одинаково доступна всем, хотя возможности превратить ее в знание у каждого свои, опирающиеся на личный опыт и способности. Информационная модель знания (как записанная в компьютере, так и вербализованная в тексте) является лишь намеком на представленное знание, по которому человек способен творчески воссоздать само знание (10, с.365).

Четко и последовательно взаимоотношения понятий данных, информации и знания проанализированы А.И.Ракитовым. Данные определяются им как результат языковой фиксации единичного наблюдения, эксперимента, факта или ситуации. Логика взаимоотношений данных и знания следующая: для того, чтобы данное, содержащее объективную информацию, могло быть использовано человеком, оно должно быть включено в контекст знаний, определенным образом соотнесено с ними, и только в этом случае оно может эффективно использоваться как фактор деятельности или получения новой информации. Лишь та информация, которая прошла ряд преобразований и зафиксирована в особых символических знаковых системах – языках – может рассмат-

риваться как знание. Знание, с его точки зрения, это не вещь, не процесс, а некая особая система отношений, включающая отношения между знаками и внезнаковыми феноменами, знаками и деятельностью, между различными знаковыми конструкциями. Следовательно, знание можно рассматривать как концентрированную, проверенную логикой, теорией и эмпирией информацию (см.: 14). Известный западный социолог науки Г.В.Вайтт полагает также, что новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признается в качестве таковой, пока она не превращается в знание.

В этом же направлении разграничение смыслообразующих для информационного общества понятий проводят и другие авторы. Приведем определения информации и знания, принадлежащие известному теоретику информационного общества М.Кастельсу: «Информация – это организованные и переданные данные». В отношении знания он соглашается с определением Д. Белла «...знания – это организованный комплекс описания фактов или мыслей, представляющий взвешенное суждение или экспериментальный результат, передаваемый в систематизированном виде посредством общения (6, с.38).

Информацию также соотносят со знанием, понимая ее как сырье для получения знания. Так исследователь социальной информации В.Г.Афанасьев считает, что информация представляет собой знания, сведения, сообщения о социальной форме движения материи и всех ее других формах в той мере, в какой они используются человеком и обществом.

Преобразование информации в знания - неоднозначный процесс. По отношению к информации существенной оказывается процедура придания формы, упаковки фактических данных, которыми можно манипулировать. Но та же операция упаковки важна и для знаний, когда мы говорим об их информационализации, о придании им материального измерения, оперативности. Только в таком виде знание становится средством производства новых знаний. Таким образом, производство знания всегда основано на рефлексивной и критической практике познания и на преобразовании информации.

Преобразование информации в знание предполагает работу мысли, сама по себе информация может представлять собой грубые данные, сырье для знания, либо вообще быть «незнанием». Рефлексивный характер суждений, которые необходимы для преобразования информации в знание, представляет нечто большее, чем простое эмпирическое подтверждение. Он подразумевает владение некоторыми критическими и теоретическими когнитивными способностями, развитие которых яв-

ляется задачей обществ знания, системы образования всех уровней. Если и возникает опасность утонуть в потоке информации, то именно знание позволяет сориентироваться в мышлении.

Информация не представляет ценности, если отсутствует возможность ее активного использования.

«Так, если информация действительно инструмент знания, то сама по себе знанием она не является. Возникшая из желания обмениваться знаниями и делая более эффективной их передачу, информация остается формой знаний, точной и стабилизированной, индексируемой по времени и пользователю. Поэтому информация является также потенциальным товаром, который покупается и продается на рынке, экономика которого основана на раритетности, в то время как знание, вопреки некоторым ограничениям (например, оборонные секреты, традиционные формы эзотерических знаний), по праву принадлежит любому здравомыслящему человеку, что отнюдь не противоречит необходимости обеспечивать защиту интеллектуальной собственности. Чрезмерная важность, придаваемая информации в противовес знаниям показывает, насколько глубокие изменения произошли в нашем отношении к знанию вследствие распространения моделей экономики неинтегрированного знания... Информация, даже если она может быть «улучшена» (например, путем устранения помех или ошибок при передаче), не обязательно имеет правильное осмысление. И пока в мире не все будут иметь равные возможности в области образования, в вопросах доступа к информации и ее здоровой, и критичной оценки, ее анализа, сортировки и включения наиболее интересной ее части в базу знаний, информация будет оставаться только набором невразумительных сведений. К тому же, избыток информации не обязательно ведет к приращению знания. В обществах знания каждый человек должен... развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать «полезную» информацию от бесполезной. Но и полезные знания не всегда непосредственно и немедленно реализуемы в экономике классического знания, т.к. «гуманистические» знания и «научные» знания подчиняются различным стратегиям использования информации» (7, с.21-22).

Таким образом, знание обладает двумя особыми свойствами: оно не является объектом соперничества (по истечении периода защиты, гарантированной правом на интеллектуальную собственность) и не обладает исключительностью. Это свойство знания свидетельствует о том, что его использование одним человеком не препятствует его использованию другими людьми. Как только знания становятся общественным достоянием, они становятся общественным благом, которым все могут пользоваться свободно. Следовательно, знания как таковые не могут

являться предметом эксклюзивной интеллектуальной собственности: в режим интеллектуальной собственности может войти только выражение идеи или изобретение, а никак не исходные факты или идеи, лежащие в их основе. В отличие от информации, приобретающей только тогда ценность, когда она является новой и малоизвестной, знания по своей природе долговечны: они увеличиваются и углубляются со временем, благодаря получаемой огласке и совместному их использованию. Знание не только не может рассматриваться как товар, подлежащий коммерциализации наравне с другими, но и ценность оно приобретает лишь в случае его совместного использования.

Подводя итог, сделаем следующие выводы. Во-первых, реалии современной науки не позволяют сформировать ее однозначный образ, отражающий познавательную картину информационного общества. С одной стороны, следует признать наличие интереса к данной проблематике и оптимистические прогнозы, как в отношении этого исследовательского тренда, так и методологического арсенала, предоставляемого философией познания для его продвижения. С другой стороны, есть озабоченность по поводу процессов, деформирующих науку и лежащих в социокультурной и социально-экономической плоскости, где происходят изменения ценностных ориентаций ученых, в свою очередь, инициирующих серьезные изменения в самой сути научной деятельности и феномена науки в целом. Последнее обстоятельство вызывает желание поразмышлять о том, является ли в действительности информационное общество обществом науки и знания, и какой образ науки будет адекватным предлагаемым социокультурным реалиям.

Во-вторых, следует отметить, что попытка выявить познавательную специфику информационного общества с опорой на концепт образа науки подтвердила суть методологической процедуры концептуализации как непрерывного процесса уточнения понимания исследуемого предмета, перехода этого понимания с одного уровня на другой, более высокий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация. – М: РАН, 1994.
2. Васильева М.В. Социокультурные основания конструирования образов науки.- АКД. Кемерово, 2005.
3. Громов Г.Р. От гиперкниги к гипермозгу: информационные технологии эпохи Интернета. – М.: 2004.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., СПб, 1998.
5. Карпов А.О. «Странное общество» и производство знаний. //Эпистемология и философия науки. М., 2007, т.XI, № 1.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
7. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Изд-во ЮНЕСКО, 2005.
8. Колпаков В.А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа. // Вопросы философии, 2008, № 4.
9. Лукина Н.П. Социокультурный синтез в конституировании образа современной науки.- АДД. Томск, 2002.
10. Микешина Л.А. Философия науки. – М.: Прогресс- Традиция, 2005.
11. Никифоров А.Л. Фундаментальная наука умирает? //Вопросы философии, 2008, № 5.
12. Порус В.Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки.// Эпистемология и философия науки. 2005, т. У1, № 2.
13. Ракитов А.И., Андрианова Т.В. Философия компьютерной революции. // Вопросы философии, 1986, № 4.
14. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. – М., 1998.
15. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
16. Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания.// Эпистемология и философия науки. М., 2008, т. ХУ, № 1.
17. Хлебникова О.В. Образ науки в постмодернизме. // Эпистемология и философия науки. 2006, т. У11, № 1.
18. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. – Frankfurt am Main, 1968.